

Последние остатки опьянения и все его желания в одно мгновение исчезли. Он упёрся руками в грудь мужчины и оттолкнул его, пытавшегося поцеловать его.

Он приложил много силы, и мужчина, не ожидавший этого, резко ударился о тумбочку.

— Мхм.

— Бах!

Сдержанный стон мужчины и звонкий звук раздались одновременно.

Чжун Гуаньбай испугался и тут же хотел слезть с кровати, чтобы включить свет.

Но мужчина поднял руку, остановив его.

Чжун Гуаньбай посмотрел вниз и увидел, что там, куда он собирался ступить, лежали бесчисленные прозрачные осколки.

Лунный свет из окна падал на серебряную маску мужчины, делая её ледяной и пугающей.

А на полу бесчисленные прозрачные осколки лежали, как разбившаяся о землю галактика.

Треугольное фортепиано из куба выпало, сломав одну из ножек.

Разбитое фортепиано и табурет лежали среди осколков, словно пережили какую-то катастрофу.

Чжун Гуаньбай не мог видеть выражения лица мужчины и не мог понять, о чём тот думал. Он чувствовал только, что после того как протрезвел, у него ужасно болела голова.

— Прости, — сказал он, глядя на осколки на полу.

Мужчина ничего не сказал, молча оделся и направился к двери.

Когда Чжун Гуаньбай натянул на себя одежду и выбежал за дверь, мужчины уже не было.

На следующий вечер, перед выступлением, весь оркестр собрался в ресторане отеля на ранний ужин.

Чжун Гуаньбай сидел один в углу, держа в руке яблоко и откусывая от него время от времени.

Он был в задумчивости, когда услышал над собой звук откусывания яблока.

Подняв голову, он увидел Цзи Вэньтая.

Великий маэстро смотрел на Чжун Гуаньбая с видом превосходства над мелким существом.

— Эй, чем ты занимался вчера вечером? Выглядишь рассеянным. Позже нанеси макияж, чтобы скрыть мешки под глазами, они больше, чем у меня.

— ... Это не мешки, это складки, — возразил Чжун Гуаньбай.

— Разделяя понятия, ты лечишь симптомы, а не причину, — Цзи Вэньтай бросил огрызок яблока на стол Чжун Гуаньбая, взял салфетку и с достоинством вытер руки. — Сегодня вечером будет «Третий фортепианный концерт Рахманинова», я знаю, что ты сможешь его сыграть. Я скажу лишь одно: не будь слишком самоуверенным.

Чжун Гуаньбай смотрел на огрызок яблока, ошеломлённый. Вэнь Юэань был настоящим джентльменом, а он, вместо того чтобы перенять его хорошие качества, научился у Цзи Вэньтая бросать вещи где попало.

Чжун Гуаньбай почувствовал себя неловко. Обёртка от конфеты, которую он сунул в карман мужчины, теперь была неизвестно где.

— Я не устрою беспорядка сегодня вечером, — сказал он.

— Не устроить беспорядка — это всё, что тебе нужно? Тебе стоит поучиться у Лу Цзаоцю, он стремится к совершенству... Хотя у него тоже есть свои недостатки, он слишком идеален, как машина. Ладно, оставайся таким, какой ты есть, в оркестре должен быть один такой, как он, и один такой, как ты, — Цзи Вэньтай бросил салфетку с остатками яблочного сока на стол Чжун Гуаньбая и ушёл.

Чжун Гуаньбай доел яблоко, взял чашку и пошёл налить себе кофе.

Тао Сюань тоже подошёл за кофе:

— Эй, что тебе сказал великий маэстро?

— Что я слишком много занимаюсь сексом, и у меня мешки под глазами больше, чем у него, — Чжун Гуаньбай рассеянно болтал.

Тао Сюань намеренно засмеялся похабно:

— Тот французский парень выглядел очень... ну, ты понимаешь, да?

Чжун Гуаньбай вздохнул:

— Он был нулевым, вероятно, даже хуже меня.

Тао Сюань, будучи натуралом, почему-то тоже почувствовал странное разочарование, услышав эту сплетню.

— Не срослось? Я замечаю, что ты, похоже, не очень адаптировался к местным условиям, тот парень, с которым ты встречался в последний раз, тоже не получилось, тот очень красивый китайский парень...

— Возможно, — Чжун Гуаньбай вдруг стал серьёзным. — Разве я совсем непривлекателен?

Тао Сюань честно ответил:

— Для меня — да.

— Пошёл ты, — сказал Чжун Гуаньбай.

Тао Сюань принял серьёзный вид и спросил:

— Так что же произошло?

Чжун Гуаньбай не мог выговорить это.

Если человек с детства был красивым, ему трудно не осознавать этого.

В этом плане Чжун Гуаньбай всё же был обычным человеком.

Редко находил кого-то, кто ему действительно нравился, но тот не реагировал. Он не получил удовлетворения, его самолюбие было задето, говорить об этом было неприятно, но молчать было мучительно:

— Просто... эх, потом я встретил одного человека в баре.

Тао Сюань с интересом смотрел на Чжун Гуаньбая, словно ожидая продолжения.

— Я был пьян, некоторые детали не помню, но думаю, это был франко-азиат, — выражение лица Чжун Гуаньбая стало ещё серьёзнее. — Я чувствовал, что он особенный. Как... ну, например, у тебя бывало такое, когда ты играешь на фортепиано, и вдруг понимаешь: «Я столько лет учился играть, чтобы сыграть для этого человека»?

Тао Сюань вздрогнул, почувствовав себя понятым:

— У меня было.

Чжун Гуаньбай почувствовал, что нашёл единомышленника.

— Скажи, когда.

Тао Сюань серьёзно ответил:

— Первый раз, когда сдавал экзамены.

Чжун Гуаньбай промолчал.

Тао Сюань добавил:

— И первый раз, когда участвовал в конкурсе.

Чжун Гуаньбай спросил:

— Ты знаешь, почему ты запасной?

Тао Сюань промолчал.

Чжун Гуаньбай сказал:

— Вот почему.

Тао Сюань фыркнул:

— Ха-ха.

Он «ха-ха»нул Чжун Гуаньбай, но почувствовал, что этого недостаточно, чтобы нанести удар, и потому намеренно спросил:

— Ну и что, ты его заполучил?

— ... Нет, — Чжун Гуаньбай думал о той серебряной маске, и чем больше он думал, тем больше ему становилось тяжело. Это было не то чтобы невыносимо, скорее, это было сожаление, как о потере чего-то чрезвычайно ценного, но не обязательного. — Я думаю, он, вероятно, натурал... я ему не нравлюсь. На самом деле, потом я подумал, что не обязательно заниматься сексом, столько людей, с кем это возможно, зачем, мы могли бы просто дружить.

Тао Сюань покачал головой:

— Это не похоже на тебя.

Чжун Гуаньбай, держа кофе, пошёл обратно.

— Некоторые вещи действительно понимаешь, только когда сталкиваешься с ними.

Тао Сюань поддразнил:

— Так ты теперь станешь праведником, будешь ждать, пока появится радуга?

Чжун Гуаньбай покачал головой, улыбаясь.

— Ты что, думаешь, я Ван Баоцюань? Если встречу, тогда и посмотрю. Я всё же нормальный мужчина.

Произнеся это, он увидел Лу Цзаоцю в нескольких шагах от себя и вежливо кивнул.

Лу Цзаоцю с безразличным взглядом прошёл мимо него.

Чжун Гуаньбай, вспомнив тот безразличный взгляд Лу Цзаоцю, почувствовал, что его сердце разбилось на тысячи кусочков, как тот прозрачный куб.

Он вдруг вспомнил, что видел этот взгляд ещё раз.

После завершения европейского тура они выступали в Пекине.

Когда выступление закончилось, Ло Шу Бэй подарил ему розы, и Лу Цзаоцю тогда тоже

посмотрел на него таким же взглядом, пустым, словно в нём ничего не было.

После этого он услышал, что концертмейстер оркестра из-за травмы взял академический отпуск.

Лу Цзаоцю всегда был известной личностью, и такие новости Чжун Гуаньбай обычно воспринимал как слухи, не придавая им значения.

Через год Лу Цзаоцю вернулся, его пальцы были обмотаны белыми тонкими бинтами.

Тогда Чжун Гуаньбай смотрел, как Лу Цзаоцю снимает бинты, и видел, что на почти идеальных руках швы от операции пересекали промежутки между пальцами, что выглядело почти ужасающе.

Он думал, что Лу Цзаоцю сделал операцию, чтобы увеличить расстояние между пальцами и играть более сложные произведения, но Лу Цзаоцю сказал ему:

— Я не хотел учиться играть на фортепиано. Я просто хотел почувствовать твой мир.

Тогда Чжун Гуаньбай воспринял эти слова как признание в любви.

И потому он был уверен, что сможет завоевать Лу Цзаоцю, чувствуя себя победителем.

Теперь он наконец понял, что эти слова были скорее отчаянием, чем признанием.

Он не мог представить, с каким чувством Лу Цзаоцю, отчаявшись, вернулся после операции и принял его ухаживания, а затем спокойно сказал ему:

— У меня ЭД.

Чжун Гуаньбай, ты просто ужасен.

Лу Инжу смотрела на изменение выражения лица Чжун Гуаньбая.

— Вспомнил?

Чжун Гуаньбай поднял руку и сильно ударил себя по лицу.

Он сказал Лу Инжу:

— Прости.

Лу Инжу холодно ответила:

— За что ты извиняешься передо мной?

— Сестра Инжу, я извиняюсь за то, что произойдёт дальше, — сказал Чжун Гуаньбай.

Сказав это, он первым вошёл в палату и запер Лу Инжу за дверью.

Он тихо подошёл к Лу Цзаоцю.

Пройдя несколько шагов, он вдруг осознал, что на самом деле не может его разбудить.

Лу Цзаоцю ничего не слышал.

Чжун Гуаньбай стоял за спиной Лу Цзаоцю, тот смотрел в окно, не замечая, что кто-то стоит за ним. Через некоторое время Лу Цзаоцю, казалось, что-то почувствовал, резко обернулся, и растерянное выражение лица Чжун Гуаньбая неожиданно встретилось с его взглядом.

Чжун Гуаньбай выглядел жалко, весь грязный, с ссадинами на руках, лицо, которое ещё минуту назад было нормальным, теперь опухло с одной стороны.

Лу Цзаоцю с трудом поднял руку и коснулся опухшей щеки Чжун Гуаньбая.

<http://bllate.org/book/15543/1382859>